

— Это несправедливо! С какой стати человека с таким происхождением принимают в Ансамбль песни и пляски?

В те времена подобные споры были обычным делом: кандидатуры и назначения при приеме на работу обсуждались открыто. Считаешь, что соперник сильнее — спорь, доказывай. Кто кого переспорил, тот и прав.

Однако Чжу Фанцзе даже бровью не повела. Одарив крикуна ледяным взглядом, она отчеканила:

— У товарища Суна за плечами больше десяти лет усердных тренировок. Если не его брать, то кого? Тебя, что ли?

— Выступление каждого из вас я помню в мельчайших деталях, — продолжала капитан Чжу. — Не знаю, как обстоят дела в других труппах, но в мою команду отбор идет исключительно по мастерству, а не по происхождению. Те, кто пришел сюда за легкими деньгами и надеется просто отсиживать часы, могут сразу искать себе другое место.

«Золотые слова!» — Сун Чжиши едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши.

«Капитан Чжу, вы просто чудо!»

Возразить на это было нечего, и недовольный парень поспешно умолк, густо покраснев от обиды.

После столь жесткого отпора желающих лезть на рожон поубавилось. Никто больше не рискнул спрашивать, не по благу ли взяли Чжу Лушу. В конце концов, в случае провала сейчас можно было попытаться счастья в следующем году, а вот если вконец испортить отношения с руководителем труппы, путь в Ансамбль песни и пляски закроется навсегда.

Чжу Фанцзе обвела взглядом притихшую толпу юношей и девушек.

— Вы еще совсем молоды, — мягче произнесла она. — И этот отбор — лишь один из многих этапов на вашем пути. Прошли вы его или нет, опускать руки не стоит. Верю, что вы продолжите идти к своей мечте, оттачивая мастерство. И в следующем году я буду рада снова увидеть здесь каждого из вас — ставших еще сильнее и техничнее.

Она сделала паузу и перевела взгляд на Сун Чжиши.

Почувствовав на себе ее внимание, Чжиши тут же расправил плечи, стойко выдерживая любопытные взоры конкурентов.

— Что касается товарища Сун Чжиши, — продолжила капитан Чжу, — руководство труппы взвесило все обстоятельства. По единогласному решению руководителей направлений, мы зачисляем его в Ансамбль песни и пляски в качестве запасного, отдельно от основного состава.

«Запасной?»

«И кто это такой?»

«Да просто мальчик на побегушках. Все сидят — он стоит, все на сцене — он за кулисами смотрит. Вся грязная и тяжелая работа достается ему. Обычный винтик, который может пинать любой желающий в труппе».

В прошлой жизни Сун Чжиши при таком раскладе точно устроил бы грандиозный скандал. Но сейчас, когда все его сбережения находились под контролем Гу Хуая, а сам он остался без гроша в кармане и крыши над головой, перебирать не приходилось. Эту работу нужно было получить любой ценой.

К тому же, насколько он помнил, базовая ставка у запасных ничем не отличалась от оклада основного состава — разве что надбавок и суточных за выступления не платили. Зато и на сцену выходить не заставят, можно спокойно бить баклуши.

И самое главное — в отличие от прежней жизни, этого места он добился сам. Пусть крошечный шаг, но именно с него начнется его новая судьба и самостоятельная карьера.

Окружающие, видя, как застыл юноша, никак не могли понять его реакцию. Многие решили, что он просто опешил от обиды. Еще бы, пройти такой жесткий отбор и оказаться лишь на скамейке запасных — сомнительное удовольствие.

Сам же Сун Чжиши мысленно настраивал себя на нужный лад:

«Ничего, настоящий мужчина должен уметь гнуться под ветром. Побуду пока на побегушках, это не значит, что так будет всегда. Подумаешь, разнорабочий!»

Чжу Луша едва сдерживала торжествующую улыбку. Она решила, что тетушка все-таки подыграла ей: раз Сун Чжиши застрял в запасных, им вряд ли придется делить сцену.

Сун Чжиши быстро взял себя в руки и, напустив на себя нарочито смиренный вид, тихо произнес:

— Хорошо. Если руководство дает мне шанс, я готов взяться за любую работу.

Чжу Луша презрительно фыркнула и насмешливо покачала головой. Чжиши в ответ состроил

обиженную мину, мысленно закатив глаза.

На самом деле Чжу Фанцзе искренне пыталась защитить парня. Будучи всего лишь руководителем танцевальной труппы, она понимала: начини кто-то всерьез копать в родословной Сун Чжиши, отстоять его не удастся. Оставить его на вторых ролях было самым надежным способом уберечь от лишних нападков.

Даже у директора Ли Фэнчуня не нашлось причин для возражений. Какая разница, кем он числится на бумаге? Когда парень окажется в труппе, распределить обязанности можно будет за пару минут.

— У кого-нибудь еще остались вопросы? — громко спросила Чжу Фанцзе.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Согласились ли присутствующие искренне или просто подчинились авторитету, но тема была закрыта.

Ли Фэнчунь произнес несколько дежурных напутственных фраз и распустил собрание.

Когда Сун Чжимин добрался до родной деревни, уже глубоко стемнело.

В их коммуне электричества отродясь не было, о фонарях на улицах никто и не слышал. Пару раз растянувшись в дорожной грязи, Чжимин едва доковылял впотьмах до Старого поместья семьи Сун, проклиная всё на свете.

Дед Сун Чжимина, Сун Цинлянь, был рожден наложницей старого главы семейства. По законам прежней династии, законные сыновья и дети от наложниц имели равные права на наследство. Да только Сун Цинлянь работать не любил, зато обожал азартные игры. В жены он взял известную куртизанку, которая оказалась той еще транжирой. Жили они по принципу «одним днем», так что отцовская доля растаяла без следа за считанные годы.

В отличие от немногочисленной ветви Сун Цинжуна, у Цинляня с супругой родилось пятеро сыновей и две дочери. Из уважения к тому, что они так знатно приумножили род Сун, Цинжун никогда не отказывал им в помощи, если родственники приходили просить займы — разумеется, в разумных пределах.

Когда богатство семьи иссякло окончательно, ветвь Сун Цинляня лишилась постоянного дохода. Спасло их только завидное плодородие: пятеро сыновей обзавелись кучей собственных детей, и эта орава внуков и внучек общими усилиями кое-как удерживала семью на плаву.

Имущество до сих пор не разделили, так что старик Цинлянь, его сыновья с женами и бесконечное количество внуков — всего несколько десятков человек — ютились в нескольких

ветхих пещерах-яодунах.

Сун Чжимин был старшим сыном в семье старшего брата.

Вернувшись из сверкающего огнями города в эту убогую, тесную полуторку, где приходилось делить топчан с семьей двоюродными братьями, Чжимин чувствовал, как его душит глухая злоба.

Мать Сун Чжимина, увидав вернувшегося сына, поспешно увлекла его к очагу и протянула миску с остатками ужина, которые специально приберегла.

— А чего это ты один вернулся-то? — обеспокоенно спросила она. — А Цзяоцзяо где? Что ж в гости не привел, не накормил?

Чжимин принялся угрюмо уплетать слипшуюся холодную лапшу.

— Накормил? — буркнул он, не поднимая головы. — И чем бы я ее угостил? Вот этими объедками? В городе она осталась.

Хэ Цзяоцзяо приходилась Чжимину двоюродной сестрой по материнской линии. Ее мать и мать Чжимина были родными сестрами, да только одна вышла замуж за старосту производственной бригады, а другая оказалась в нищей семье Сун с кучей голодных ртов. Судьбы сестер разошлись, как небо и земля.

— Так приняли ее в Ансамбль песни и пляски-то? — встрепенулась мать.

— А я почему знаю!

— Да что ж ты за бестолочь такая! — всплеснула она руками. — Тюфяк недоделанный! О таком важном деле даже расспросить не догадался? Только и горазд брюхо набивать!

Она с досадой плюхнулась на охапку хвороста у печи, обиженно отвернувшись.

Чжимин поморщился. Попробовав городской жизни, он уже не считал себя ровней этим деревенским беднякам.

— Да какая разница? Ну поступила она, мне-то что с того?

— Как это что? — рассердилась мать. — Я зачем тебя с ней отправляла? Чтоб ты за сестрой присмотрел да перед ее отцом, дядькой твоим, выслужился! Глядишь, он бы тебя по знакомству на какую работу пристроил, чтоб ты дома бока не отлеживал!

— Работу? — Чжимин презрительно фыркнул. — И что он мне найдет? Счетоводом в бригаду устроит или кладовщиком на склад?

— Батюшки мои! — всплеснула руками мать. — Ты погляди на него, брезгует он работой в производственной бригаде! Ну и ладно, посмотрим, какую ты себе службу в городе сыщешь!

Ворча под нос проклятия, она ушла вглубь яодуна.

Чжимину хотелось выть от злости. Мало того что днем его интрига с позором провалилась, так еще и Хэ Цзяоцзяо пальцем не пошевелила, чтобы помочь брату. А перед глазами все еще стояли величественное здание управы, холеные артисты Ансамбля песни и пляски с их высокими окладами и пайками... Контраст между роскошным городом и этой темной, глухой деревней, где даже дорог приличных не было, разжигал в его груди глухую, ядовитую зависть. Голова гудела, а тело словно горело в лихорадке.

Кое-как закончив с ужином, он тихо прокрался в общую комнату. Отыскав под дружный храп сородичей свое место на топчане, Чжимин улегся и уставился в темный потолок. Перед глазами снова и снова крутились картины прошедшего дня.

«Вот бы мне попасть в этот Ансамбль песни и пляски...»

<http://bllate.org/book/19670/1964002>